

Диана Руденко

**Теория
Доказательства
Любви**

Диана Руденко

Теория Доказательства Любви

<https://litres.ru/74069729>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если любовь — это не магия, а уравнение? Учёный Георгий уверен в этом. Художница Алексия — нет. Они заключают пари и начинают исследование под кодовым названием «Теория доказательства любви». Вам предстоит стать свидетелем этого эксперимента. Проверить гипотезы. Увидеть, как холодные расчёты сталкиваются с тёплыми взглядами. И вместе с героями найти единственный верный ответ, который не содержится ни в одном научном журнале. Потому что главное доказательство всегда — в сердце.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Аксиомы и аномалии.	5
Глава 2. Пролог. Непредсказуемая переменная.	7
Глава 3. Начало эксперимента.	10
Глава 4. Условия капитуляции.	15
Глава 5. Кандидат №1: Ошибка округления.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Теория Доказательства Любви

Глава

Глава 1. Аксиомы и аномалии.

Существует мир, подчиняющийся законам. Мир, где за восходом следует закат с вероятностью в 100%. Где падение яблока можно просчитать, а путь кометы — предсказать. В этом мире живут люди, которые верят в эти законы. Они составляют графики, строят прогнозы и сводят хаос вселенной к стройным столбцам цифр. Их жизнь — это поиск доказательств. Это мир Аксиом.

Но в этом же самом мире, в тот же самый час, случаются вещи, не имеющие объяснения. Солнечный луч, разбивающийся на полу витража в тысячу разноцветных зайчиков. Спонтанная улыбка незнакомца, от которой теплеет внутри. Внезапное понимание, что сегодняшний серый день — на самом деле не серый, а стального, жемчужного и голубоватого оттенков. Эти события не вносят в таблицы. Их называют погрешностью, аномалией, случайностью. Это мир Аномалий.

Большинство людей живут, лишь слегка касаясь одного из этих миров. Но бывают столкновения. Когда человек Аксиом, вооружённый калькулятором и скепсисом, встречает на своём чётко выверенном пути человека Аномалий, несущего в себе хаос красок и веру в чудеса.

Тогда начинается самый захватывающий эксперимент. Начинается Теория доказательства любви.

И всё, что для него нужно — это он, она, и один простой вопрос, способный перевернуть все уравнения...

Глава 2. Пролог. Непредсказуемая переменная.

Одиннадцатилетний Гоша сидел у окна, сверяясь с часами. Родители должны были пролететь где-то рядом — он даже высчитал примерный курс по расписанию рейсов и карте, разложенной на столе. В его мире, где у всего были причина и следствие, это был просто очередной факт: самолёт летит из точки А в точку Б. Он ждал их звонка после посадки. Всё было предсказуемо и правильно.

Небо в тот день было ясным, почти стерильным.

На горизонте, точно в расчётном секторе, сверкнула вспышка. Не громовая, а какая-то сухая и чужеродная, будто кто-то щёлкнул гигантской зажигалкой в другой комнате. Потом пришёл звук — не грохот, а глухой, давящий удар, от которого дрогнуло стекло в раме. И затем — тихое, медленное облако чёрного дыма, неохотно расползающееся по безмятежной синеве.

Гоша замер. Его мозг, уже мысливший категориями вероятностей, начал лихорадочный перебор: световое явление. Испытания. Другая модель самолёта. Ошибка наблюдения.

Логика отчаянно цеплялась за альтернативную переменную, за любой спасительный «если», лишь бы не признавать, что два ряда цифр в его голове — время вылета и время вспышки, курс рейса и азимут дыма — начали неумолимо сходиться.

Когда зазвонил телефон, он уже знал.

Голос в трубке говорил что-то отдалённое, пропущенное сквозь вату: «...с рейсом... выясняются обстоятельства... соболезнования...» Но Гоша больше не слышал слов. Он смотрел на дым на горизонте, и в его сознании с тихим щелчком сошлись последние зубцы расчёта. Данные не совпали. Они привели к единственно возможному, безупречному и совершенно невозможному ответу. Мир дал сбой в самом своём фундаменте.

В последующие дни, в гробовой тишине квартиры, где всё ещё витал знакомый запах — пылинки маминых духов в застывшем воздухе, горьковатая нотка папиного недопитого кофе, — он нашёл своё спасение. Он открыл учебник. Строки расплывались перед глазами, но одна фраза врезалась в память, как формула, высеченная на камне: «Любая система, предоставленная себе, стремится к хаосу. Порядок требует постоянных затрат энергии».

И он принял решение. Он станет той самой энергией. Потратит всю свою жизнь, чтобы найти все переменные, описать все законы. Он создаст такую теорию, которая не оставит места «непредвиденным обстоятельствам» и «роковым стечениям». Если нельзя было предсказать катастрофу — значит, нужно понять всё, что к ней ведёт. До последней молекулы, до последней цифры. Особенно любовь. Ведь именно она — эта странная, неучтённая сила — и сделала потерю такой всепоглощающей. Значит, её тоже можно и нужно разобрать на безопасные, неодушевлённые компоненты. Доказать, что её не существует. Или, на худой конец, взять под контроль.

С тех пор Георгий Попов перестал верить в чудеса. Он поверил в погрешность измерений. И когда годы спустя, в переполненном лекционном зале, он собирался представить свою новую работу — «Математика чувств: почему любовь — это иллюзия» — он был уверен, что наконец-то возвёл достаточно прочную стену. Он даже не предполагал, что стена эта может рухнуть от одного лишь вопроса. А вопрос этот задаст девушка с волосами цвета красного рубина и глазами, в которых светилось то самое, самое опасное и неучтённое чудо.

Глава 3. Начало эксперимента.

Зал научного центра «Экспериментариум» был полон. Георгий Попов, 27 лет, кандидат химических и математических наук и, как он сам себя мысленно определял, «инженер реальности», чувствовал лёгкое, привычное удовлетворение. Его лекция «Математика чувств: почему любовь — это иллюзия» собирала аншлаг второй месяц подряд. Не из-за сенсации, был уверен он. Из-за ясности.

На огромном экране за его спиной сменяли друг друга безупречные слайды.

- Слайд 1: График выброса окситоцина и дофамина в период «влюблённости» с подписью: «Химическая зависимость сроком от 6 до 18 месяцев».

- Слайд 2: Схема «Алгоритм выбора партнёра» — древоподобная структура с пунктами «Социальный статус», «Биологическая совместимость», «Совпадение жизненных сценариев».

- Слайд 3: Цитата, его любимая: «Любовь — это временное помешательство, которое общество договорилось считать нормой».

Георгий вёл речь чётко, без пафоса. Его голос, низкий и

ровный, звучал как голос разума в царстве предрассудков.

— Таким образом, — заключил он, подходя к кульминации, — «любовь» как независимая, иррациональная сила — статистический миф. Это сложный, но вполне объяснимый комплекс биохимических реакций и социальных программ. И, как любой процесс, его можно смоделировать и... предсказать.

Он сделал паузу, давая залу впитать тезис. В этот момент его взгляд, скользнув по первому ряду, наткнулся на аномалию.

Это была девушка. Сидела, слегка подперев щеку рукой, и смотрела на него не с вызовом, не с обожанием, а с... глубоким, почти научным интересом, смешанным с лёгкой грустью. Как будто слушала не опровержение любви, а грустную историю о ком-то, кто очень давно потерял ключ от тёплой комнаты и теперь, замерзая, доказывает всем, что комнаты этой не существует.

У неё были волосы, не просто рыжего цвета, а густого, глубокого оттенка спелой вишни или старого вина, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались упрямые пряди. И глаза — странного, светящегося изнутри янтарного цвета. В них отражался свет от экрана, и казалось, что это горят не отражённые лампы, а её собственные, внутренние.

Георгий на секунду сбился. Мозг выдал справку: «Визуальный раздражитель повышенной интенсивности. Не влияет на содержание лекции». Он отвёл взгляд, закончил мысль и объявил:

— Время для вопросов.

Руки поднялись десятки. Он отвечал автоматически, отбиваясь цифрами, ссылками на исследования. И вот, когда он уже почувствовал знакомый вкус близкой победы разума, микрофон взяла она.

Она встала. Она была высокая, почти его роста, в просторном свитере с капюшоном, запачканный где-то у манжета синей акриловой краской.

— Георгий, — начала она, и её голос оказался тёплым и чётким, без тени подобострастия. — Ваша модель... она очень красивая. И, наверное, сходится. Но в ней есть одна методическая ошибка.

В зале затихли. Георгий поднял бровь.

— Ошибка? — его тон оставался вежливым, но в нём появилась стальная нотка. — Буду признателен, если вы укажете на неё. С указанием конкретного слайда.

— Ошибка не на слайде, — она улыбнулась, и это была

не язвительная, а сочувствующая улыбка. — Ошибка в условии. Вы исследуете любовь как внешний объект. Как грипп или химическую реакцию в пробирке. Но вы не учитываете главную переменную.

— И какая же? — спросил он, уже чувствуя лёгкое раздражение.

— Наблюдателя, — просто сказала она. — Того, кто проводит эксперимент. Вы же не станете отрицать, что сам факт наблюдения в квантовой физике меняет систему?

В зале кто-то сдержанно хихикнул. Георгий почувствовал, как по спине пробежал холодок. Она говорит на его языке. Но использует его против него.

— Мы говорим о психологии, а не о квантовой механике, — парировал он.

— А я думала, вы говорите об общей теории всего, — парировала она, и в её глазах мелькнул озорной огонёк. — Раз уж взялись такое опровергать. Но ладно. Вот вам практический вопрос. Вы свою теорию проверяли? Не на данных, а в поле? Хоть раз попробовали применить свой алгоритм не к графикам, а к живому человеку?

Тишина в зале стала звенящей. Георгий понял, что это ловушка. Если скажет «нет» — его объявят кабинетным тео-

ретином. Скажет «да» — потребуют доказательств.

— Любо́й научный метод требует воспроизводимости, — уклончиво начал он. — Что не отменяет его истинности...

— Отменяет! — весело перебила девушка. И выпалила то, что стало точкой невозврата. — Если теория не проверена на практике, это не теория, а гипотеза. Красивая сказка для тех, кто боится эксперимента. Я предлагаю вам его поставить. Прямо здесь и сейчас.

Он смотрел на неё. На её серьёзные золотые глаза и едва уловимую, вызывающую улыбку. И чувствовал, как под ногами рушится твёрдая почва аксиом, а вместо неё возникает зыбкая, опасная и невероятно притягательная почва возможности.

— Что вы предлагаете? — спросил Георгий Попов, и в его собственном голосе прозвучала та самая, первая трещина.

Глава 4. Условия капитуляции.

Алексия Некрасова не отвечала сразу. Она смотрела на него, и в её золотых глазах мелькнуло что-то, напоминающее расчёт — но не математический, а творческий, как у художника, оценивающего холст.

— Слишком шумно, — наконец сказала она, слегка кивнув на зал, где уже начался гул обсуждений. — И слишком много... наблюдателей. Для чистоты эксперимента нужны стерильные условия. Или хотя бы приближенные к ним.

Она сделала паузу, давая словам повиснуть в воздухе.

— Ваш кабинет? Или просто пустой зал через пятнадцать минут? Без зрителей. Без аплодисментов. Только теория, практика и условия капитуляции одной из сторон.

Он почувствовал, как сжимаются челюсти. Это была не просьба, а ультиматум, обёрнутый в безупречную логическую форму. Отказать значило бы испугаться. Согласиться — шагнуть на зыбкую территорию, где его цифры могут столкнуться с чем-то непредсказуемым.

Но учёный в нём уже проснулся и требовал доказательств. Собственной правоты.

— Лабораторный корпус, комната 314, — отчеканил он, удивляясь собственной готовности. — Через пятнадцать ми-

нут. Будьте точны.

— О, — она улыбнулась так, будто он только что произнёс волшебное слово. — Точность — моя слабость.

Комната 314 была не кабинетом, а небольшой учебной аудиторией с длинным столом и доской, испещрённой следами старого мела. Воздух пахло пылью и знанием. Георгий стоял у окна, глядя на сумеречный город, когда дверь открылась с тихим щелчком.

— Точность — это субъективная категория, — заявила Алексия, входя. — Для кого-то пятнадцать минут — это ровно девятьсот секунд. А для кого-то — время, за которое можно потерять ключи, найти их и ещё успеть выпить кофе.

— Вы опоздали на сорок семь секунд, — констатировал он, не оборачиваясь.

— Видите, как всё относительно? Я считаю, что прибыла идеально вовремя — ровно в тот момент, когда вы начали задаваться вопросом, а не передумала ли я.

Он обернулся. Она сбросила объёмный свитер, оставшись в простой футболке, на которой тоже были следы краски — на этот раз охра. В её руках был не блокнот, а скетчбук в тканевом переплёте.

— Итак, — Георгий подошёл к столу и положил перед собой планшет. — Вызов принят. Ваше «полевое исследование». Озвучивайте параметры.

— Всё просто, — она села напротив, положив скетчбук. — Вы утверждаете, что любовь, как химическое явление, можно смоделировать. Я утверждаю, что нет. Вы по вашим алгоритмам подбираете мне... скажем так, «идеального партнёра». А я пытаюсь его полюбить.

Георгий фыркнул.

— «Пытаюсь полюбить» — ненаучная категория. Нужны измеримые критерии.

— Критерий один, — парировала Алексия. — Моё личное, субъективное, ненаучное чувство. Если я скажу «да, это оно» — вы выиграли. Если после всех ваших кандидатов я скажу «нет» — победила я.

— Это абсурд! — его голос впервые за вечер выдал раздражение. — Это лишает эксперимент объективности!

— Именно! — её глаза вспыхнули. — В этом и есть суть! Вы пытаетесь объективировать субъективное. Я лишь предлагаю вам столкнуться с этим лицом к лицу. Бойтесь?

Тишина в комнате стала густой, как смола. Он смотрел на её вызывающий взгляд и понимал, что она права. По всем канонам его же науки, она права. Нельзя измерить чувство

без свидетельств того, кто его чувствует.

— Допустим, — процедил он. — Но будут контрольные точки. Встречи. Отчёты. Анализ поведения.

— Конечно, — легко согласилась она. — Но с одним условием. Раз в неделю — контрольный эксперимент. Ты проводишь со мной время без твоего алгоритма. Делаем то, что захочу я. Чтобы сравнить «искусственные» данные с... фоновым шумом реальной жизни. Без контрольной группы вся ваша модель — не более чем философская притча.

Георгий замер. Это было... гениально. Коварно, субъективно, но методологически безупречно.

— Для чего? — спросил он, уже понимая, к чему она ведёт.

— Чтобы доказать, что ваши идеальные кандидаты не дадут ничего сверх того, что может дать обычная... дружеская прогулка. Если, конечно, ваша теория об отсутствии «химии» верна.

Он видел ловушку. Видел её прекрасно. Но отступить теперь значило проиграть, даже не начав.

— Срок? — спросил он.

— Месяц. Четыре кандидата. Четыре контрольных эксперимента.

— Ставка?

Она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то древнее и

мудрое.

— Если я проиграю... я нарисую для вас витраж. На тему «Торжество холодного разума». Буду славословить вашу теорию в цвете и стекле.

— А если проиграю я? — спросил Георгий, хотя ответ уже знал.

— Вы публично признаете, что ваша «Теория доказательства любви» не состоялась. Что в уравнении не хватило главной переменной. И назовёте её.

— Какую?

— А вот это, — Алексия встала, и её тень легла на доску с формулами, — вам и предстоит выяснить. В течение месяца. Итак, учёный, мы начинаем?

Он молча кивнул. Война была объявлена. Протокол эксперимента — утверждён.

И где-то в глубине, за толщей льда расчётов, дрогнула первая, крошечная трещина.

Глава 5.Кандидат №1: Ошибка округления.

Три дня спустя после утверждения протокола Георгий Попов сидел в своём кабинете в институте, ощущая знакомое, успокаивающее чувство контроля. Перед ним на трёх мониторах были развёрнуты окна: база данных выпускников и сотрудников научного кластера, его собственная программа-анализатор и сводная таблица для внесения результатов.

Объект исследования: Алексия Некрасова. Под этим заголовком уже красовался список параметров.

Возраст: 24.

Род деятельности: художник-витражист. Субъективная оценка профессии: высокая креативная нагрузка, нестабильный доход -> потенциальная потребность в стабильности.

Внешние признаки: активное использование цвета в одежде, следы профессиональных материалов (краска) -> приоритет практичности над социальными условностями. Параметр «хаотичность»: повышенный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.